

УДК 94(37).08

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-31-43

Оригинальное исследование

Коррупционные основания донатистского раскола в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина (по данным эпистолярного наследия Отца Церкви)

Сахаров С.А.

Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
E-mail: sacharov.stanislav@yandex.ru

Аннотация. Отрицание коррупции является одной из опорных точек в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина. Отец Церкви осуждает взяточничество, продажность, подкупность, считая их первопричиной многих социальных проблем. Вместе с тем епископ Гиппона далек от упрощенного понимания рассматриваемого феномена исключительно как явления, связанного со злоупотреблением властью в корыстных целях. Коррупция являет для него социальную болезнь, разрушающую государство и общество, делающую невозможным их нормальное функционирование. Сказанное роднит концепцию Августина с современными трактовками, в которых коррупция обычно рассматривается в широком социальном и политическом контекстах. В свете сказанного неудивительно, что Отец Церкви акцентирует внимание на коррупционных предпосылках и основаниях донатистского раскола – явления, ознаменовавшего одну из наиболее драматичных страниц позднеримской истории. Стремясь к победе над своим идейным противником, Отец Церкви обвиняет донатистов в коррупционных связях, делая их едва ли не важнейшей причиной известных трагических событий. Яркая картина, изображающая широкий коррупционный контекст возникновения донатизма, представлена в эпистолярном наследии епископа Гиппона, которое и легло в основу представленного исследования.

Ключевые слова: Августин, эпистолярное наследие Августина, донатистский раскол, коррупция

Для цитирования: Сахаров С.А. 2023. Коррупционные основания донатистского раскола в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина (по данным эпистолярного наследия Отца Церкви). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 31–43. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-31-43

Corrupt Prerequisites for the Donatist Schism in the System of Socio-Political Orientations of St. Augustine (According to the Epistolary Heritage of the Father of the Church)

Stanislav S. Sakharov

Smolensk State University,
4 Przhevalskiy St., Smolensk 214000, Russia
E-mail: sacharov.stanislav@yandex.ru

Abstract. The denial of corruption is one of the reference points in the system of social and political orientations of Augustine. The Father of the Church condemns bribery, venality, and corruptibility, considering them as the root cause of many social problems. At the same time, the Bishop of Hippo is far from a simplified understanding of the phenomenon solely as a phenomenon associated with the abuse of power for selfish purposes. Corruption is a social disease for him, destroying the state and society, making their proper functioning impossible. The foregoing makes Augustine's concept related to modern

interpretations, in which corruption is usually viewed in a wide social and political context. In light of this it is not surprising that the Father of the Church focuses on the corruption prerequisites and grounds for the Donatist schism, a phenomenon that marked one of the most dramatic pages in Late Roman History. In an effort to defeat his ideological opponent, the Father of the Church accuses the Donatists of corrupt ties, making them perhaps the most important cause of the well-known tragic events. A vivid picture depicting the broad corrupt context of the emergence of Donatism is presented in the epistolary heritage of the Bishop of Hippo, which formed the basis for the present study.

Keywords: Augustine, epistolary heritage of Augustine, Donatist schism, corruption

For citation: Sakharov S.S. 2023. Corrupt Prerequisites for the Donatist Schism in the System of Socio-Political Orientations of St. Augustine (According to the Epistolary Heritage of the Father of the Church). *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 31–43 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-31-43

Введение

Одной из важных опорных точек в системе политико-правовых ориентаций Аврелия Августина является неприятие коррупции, ставшей неизменной характерной чертой человеческого общества [Pinto, 2008, p. 685]. Данные источников позволяют обнаружить во взглядах великого Отца Церкви довольно широкое восприятие этой категории, созвучное во многом подходам, сложившимся в современной правовой теории. Последняя стоит на позициях понимания многоаспектности термина «коррупция», который может применяться к очень широкому спектру человеческого поведения и институтов, включая деловые и коммерческие операции, управление религиозными и коммерческими организациями и многое другое [LaPalombara, 1994, p. 325]. По словам Л. Хилль, коррупция не может рассматриваться исключительно в аспекте взяточничества. Ее следует понимать как своего рода «искажение сознания», вследствие которого человек делается неспособным совершать здравое суждение, а это, в свою очередь, заставляет его злоупотреблять своей общественной ролью и личными целями [Hill, 2013, p. 567–568]. Понимание коррупции Августином строится на ее аристотелевской трактовке как явления, обращенного к теме «нечистоты» [Ménissier, 2007, p. 12].

Неприятие коррупции, ставшей для Поздней Римской империи системной проблемой или, в определениях Дж. Кайдена, «образом», а не «фактом» жизни [Quah, 2009, p. 122], в системе политико-правовых ориентаций Августина обнаруживается в контексте его борьбы с донатистским расколом, ставшим, по словам П. Брауна, одной из наиболее драматичных страниц древней истории, отразивших среди прочего упадок римского могущества [Brown, 1961, p. 83–84]. Аврелий Августин решительно борется с тезисами раскола [Bels, 1975, p. 147], став в конечном итоге человеком, «устаами которого Господь даровал единство всей Африке» [Иеромонах Афанасий, 2021, с. 234]. Вступив в этот «спор целого века» [Nodes, 2009, p. 390], направив против донатистов все свое рвение, всю свою энергию, весь свой интеллект и мастерство политического борца [Whitehouse, 2016, p. 28], епископ Гиппона добился решительной перемены религиозно-политической ситуации в Африке [Иеромонах Афанасий, 2021, с. 234].

Стратегия Августина в его противостоянии с донатистами строилась на трех взаимосвязанных элементах. Во-первых, он стремился представить последних еретиками, а не просто раскольниками. Во-вторых, он использовал разногласия внутри «лагеря» своих противников. В-третьих, участвуя в памфлетных войнах [Nodes, 2009, p. 390], Отец Церкви прикладывает усилия к тому, чтобы показать донатистов врагами римского государства. Для этого он обращает внимание на социально-политические аспекты раскола, включая вооруженные столкновения [Whitehouse, 2016, p. 29]. Нам представляется, что эти же устремления заставляют епископа Гиппона выдвигать против донатистов среди прочих и коррупционные обвинения.

Объект и методы исследования

Определяя целью нашего исследования изучение отношения епископа Гиппона к коррупции в контексте его борьбы с донатистским расколом, в качестве основного источника мы избрали для себя эпистолярное наследие Отца Церкви. Для Августина и его современников письма, как известно, имели первостепенное значение, выступая зачастую единственным средством получения известности, доставки новостей, выполняя задачи наставничества и ободрения, поддержания коммуникации между церквями и отдельными людьми, нередко и выполняя функции открытых посланий [Flood, 1952, p. 196]. В целом, как отмечает Е.В. Литовченко, «литература и эпистелография конца IV – начала V вв. позволяет нам составить представление о мировоззрении людей эпохи «заката» Римской империи. Переписка проливает свет на настроения поздней западноримской аристократии, раскрывает мысли и чувства образованных представителей римского общества» [Литовченко, 2007, с. 32]. В данном контексте письма Августина имеют особое значение. Показывая епископа Гиппона как авторитетного человека, к которому обращаются за советами и поучениями [Литовченко, 2021, с. 539], они позволяют составить представления о его социально-политических, политико-правовых взглядах, обнаруживая в них и определенные противоречия. В отличие от крупных трактатов, таких, например, как «О граде Божьем», выполняющих по большей части философско-мировоззренческие задачи, в письмах внимание акцентируется на частных вопросах, занимавших сознание их автора в каждый конкретный момент жизни. Именно в этих посланиях наиболее полно раскрывается подлинное отношение мыслителя к вопросам актуальной повестки его времени.

Следовательно, методологическую основу настоящего исследования составляет анализ эпистолярного наследия Аврелия Августина, в котором коррупция в духе современных нам воззрений раскрывается как социальное явление, черта социальной организации [Трыканова, 2022, с. 167].

Результаты и их обсуждение

Донатизм как религиозно-политическое течение и донатистский раскол возникают в начале IV в. в Северной Африке, игравшей важную роль в экономике Поздней Римской империи. Африка была земледельческой провинцией, обеспечивающей продовольствием Рим и Италию [Beaver, 1935, p. 125]. Являясь экономически значимым регионом, Северная Африка оставила след в истории как родина великих мыслителей, среди которых Тертуллиан, Киприан, Арнобий, Лактанций, Опат, Викторин, Августин [Казаков, 2014, с. 46].

Для понимания причин и сущности донатистского раскола, активной правительственной деятельности по его искоренению необходимо учитывать исторические, социально-политические особенности региона, особенности царившей в нем духовно-нравственной атмосферы [Bels, 1975, p. 148]. Распространение оппозиционного христианского учения, превращение его за сравнительно короткий срок в хорошо организованное движение [Evers, 2011, p. 176] стало отражением настоящего «социально-экономического бунта» [Beaver, 1935, p. 123]. Поддержку донатизму в Северной Африке оказывала нищета местного населения, несчастья которого в глазах многих отождествлялись с римским государством и «официальной» церковью, ставшей со временем его олицетворением [Beaver, 1935, p. 124].

Неприятие и осуждение Августином коррупции как одна из опорных точек в системе его политико-правовых ориентаций наиболее полно обнаруживается в отношении Отца Церкви к событиям начала раскола.

В 303 г. в Африке стало известно об указе Диоклетиана, согласно которому христиане были обязаны выдать властям литургические сосуды и тексты Священного писания. В 304 г. появился еще один указ, потребовавший от христиан совершить символические жертвоприношения в знак преданности императорам и богам традиционного римского культа [Иеромонах Афанасий, 2018, с. 108]. Эта политика, обнаружив наибольшие труд-

ности в своей реализации именно в Северной Африке [Beaver, 1935, p. 123], тем не менее дала свои результаты. Привыкнув к атмосфере относительного спокойствия и оказавшись неподготовленными к начавшимся трудностям, люди, движимые инстинктом самосохранения, предпочитали либо отречься от христианского вероучения, либо, по крайней мере временно, создать видимость этого отречения [Bels, 1975, p. 148]. В итоге многие клирики, в том числе епископы, совершают отступничество в форме «traditio», выдавая чиновникам для сожжения тексты Священного Писания. Некоторые, пользуясь недобросовестностью ответственных за изъятие книг должностных лиц, выдавали тексты, не имеющие отношения к христианству, либо еретические документы [Мамонтов, 2019, с. 10]. Именно так поступили епископ Карфагена Мензурий и его преемник Цецилиан, будучи сторонниками «умеренности» в реакции на политику Диоклетиана.

Однако эта «умеренность» Цецилиана и его предшественника нравилась отнюдь не всем. Она была неприемлема для части духовенства и жителей Карфагена, что обуславливает возникновение внутренней оппозиции [Evers, 2011, p. 184].

Ситуация обострилась после смерти епископа Карфагена Мензурия в связи с избранием в качестве его преемника Цецилиана. Около семидесяти «недовольных» епископов собрали собор, в ходе которого выдвинули против нового епископа как минимум два обвинения: в том, что он совершил «traditio» (причастен к выдаче книг властям в период диоклетианова гонения) и рукоположен в сан такими же «отступниками» («a traditoribus») [Мамонтов, 2019, с. 11], что делало его в глазах части духовенства и горожан «незаконным» епископом; и в том, что он не давал приносить пищу в темницу к мученикам [Мамонтов, 2019, с. 11]: согласно заявленному в ходе собора обвинению, епископ Мензурий и его дьякон Цецилиан послали собственную охрану, чтобы следить за воротами тюрьмы, дабы не допустить туда кого-либо с провизией для заключенных [Evers, 2011, p. 184]. Обвинения в «коллорабационизме» [Иеромонах Афанасий, 2018, с. 108] кончились лишением Цецилиана епископского достоинства и отлучением от церкви, хотя последнее явно вступало в противоречие с установкой нового императора. Как пишет А. Эверс, Константин не только распорядился вернуть церкви имущество, отнятое у нее в период гонения, но и официально признал Цецилиана единственным законным епископом Карфагена, пожертвовав ему значительную сумму из доходов императорских поместий в африканских провинциях [Evers, 2011, p. 186–187]. Вместо Цецилиана собор избрал епископом чтеца Майорина, состоявшего в услужении богатой женщины Лусиллы [Whitehouse, 2016, p. 23]. Сторонников нового епископа стали называть «pars Maiorini», а позднее – по имени следующего епископа Доната, «pars Donati», или «donatistae» – донатисты [Мамонтов, 2019, с. 12].

Оценка роли Лусиллы, действия которой епископ Гиппона и, к примеру, Опат считают одной из причин раскола [Dalvit, 2013, p. 180], просуществовавшего, по словам П. Брауна, до тех пор, пока само христианство не исчезло из Африки [Brown, 1961, p. 83], становится первой опорной точкой в демонстрации Августином отвержения коррупционных связей. В связи с именем Лусиллы в письме, датированном 397 г., содержатся прямые обвинения в адрес донатистов в продажности, подкупности. Оправдывая тактику Цецилиана, не явившегося на «раскольнический собор», епископ Гиппона отмечает, что Цецилиан не мог позволить судить себя людям, «которыми тогда обладала некая Лусилла – очень богатая женщина, которую он обидел»¹¹ [Ep. 43, 17] и «которые, как говорят, были подкуплены и

¹¹ Как пишет А. Эверс, Лусилла не смогла вынести порицания бывшего тогда дьяконом Цецилиана, основанием к каковому послужило следующее обстоятельство: перед принятием причастия она целовала кость кого-либо из «мучеников» (из числа жертв гонения), и в силу того, что отдавала предпочтение «мертвецу» перед «спасительной чашей», Лусилла получила упрек и ушла в «гневно унижении» [Evers, 2011, p. 184]. Устраивая собрания раскольников у себя в поместье [Maier, 1995, p. 52] и организовав против нового епископа целую «партию» [Bels, 1975, p. 149], Лусилла, по версии Августина, жертвует значительную сумму денег, на которые и были подкуплены участники собора, проголосовавшие за смещение Цецилиана и избрание ее любимца – Майорина.

специально подстрекаемы ... (против него – *прим. авт.*) ... деньгами Лусиллы» [Ер. 43, 17]. Заявленного факта подкупа для Отца Церкви достаточно, чтобы «не придавать значения собору Секунда из Тигизи, который Лусилла возбудила против Цецилиана» [Ер. 43, 26].

Таким образом, называя сатану «зачинщиком» поступков донатистов [Bels, 1975, p. 166], Аврелий Августин прямо связывает с возникновением донатистского раскола факты подкупа и подкупности, злоупотребления иерархами церкви своей властью в связи с получением материальных выгод. Категории подкупа и подкупности в названном контексте рассматриваются им исключительно в негативном ключе как причина нарушения религиозного единства.

Эпистолярное наследие Аврелия Августина хранит яркое описание еще одного эпизода, отражающего его негативно-критическое отношение к использованию денег в целях подкупа. Около 399–400 гг. Августин приглашает к обмену письмами Криспина – донатистского епископа Каламы [Мамонтов, 2016, с. 695]. В контексте нашей работы значимым представляется письмо 402 г.: «... я могу сделать так, – пишет епископ Гиппона, – чтобы ты заплатил, согласно императорскому закону, десять фунтов золота в качестве наказания за ... возмущение. Возможно, ты не сможешь заплатить штраф, наложенный на тех, кто повторно крестит членов церкви, будучи вовлечен в большие расходы, подкупая людей, которых ты таким образом хотел заставить подчиниться вашему обряду. (...) Я хотел бы знать, какой ответ ты бы дал (Христу – *прим. авт.*), если бы он спросил тебя: «Криспин, высока ли цена, которую ты уплатил, чтобы купить страх маллапийского крестьянства, и является ли моя смерть, цена, которую я заплатил во имя любви ко всем народам, малой ...? Были ли деньги, отсчитанные из твоего кошелька ..., более дорогой жертвой, чем моя кровь, которая текла во искупление грехов народов, во имя их крещения?» [Ер. 66, 1].

Этим письмом, содержащим порицание в адрес Криспина за обращение крестьян на выкупленной им земле [Мамонтов, 2016, с. 695], Отец Церкви со свойственной ему эмоциональностью еще более ярко и однозначно по сравнению с предыдущими фрагментами свидетельствует свое неприятие использования денег и подкупа в качестве средства достижения религиозно-политических целей. Причем в данном конкретном фрагменте это неприятие облекается в форму религиозно-философского рассуждения, имеющего очевидную морализаторскую окраску, что свойственно для современных подходов к феномену коррупции [Ардельянова, 2013, с. 86]. Для Августина, таким образом, использование денег и подкуп стоят в одном ряду с нарушением церковного единства¹².

Как нами было отмечено ранее, наряду с прямым осуждением подкупа, продажности и иных категорий, обычно ассоциируемых с коррупцией, в мировоззрении Аврелия Августина можно обнаружить черты более широкого понимания рассматриваемого феномена. В связи с обвинениями в подкупе Отец Церкви затрагивает тему некой «порчи», разрушения социального порядка, установленных требований социально-одобряемого поведения, даже действия правовых норм и соблюдения формальных процедур. Такой подход не является новым и не являлся таковым для эпохи Августина. Уже физики Древней Греции обнаруживали понимание коррупции как неизбежного изменения живых существ, два из фундаментальных качеств которых образуют «становление» и «порча» [Ménissier, 2007, p. 11].

Рассуждения подобного рода мы вновь встречаем в описании епископом Гиппона событий начала донатистского раскола, а именно – в описании того самого собора, на котором Цецилиан был лишен епископского достоинства. Августин в уже цитированном письме 397 г. очень обстоятельно и подробно формулирует целый ряд «нарушений», имевших место при рассмотрении обвинений против Цецилиана и его соратников, которые опять-таки были порождены, по мнению Отца Церкви, личной заинтересованностью

¹² Впоследствии в 403–404 гг. Посидий Каламский выдвигает против Криспина обвинение в ереси, что позволит применить против него антиеретические законы, существовавшие в империи [Whitehouse, 2016, p. 29].

отдельных лиц. Эти «нарушения» таковы: во-первых, обвинения были рассмотрены в отсутствие обвиняемых [Ер. 43, 3; 43, 6; 43, 10]; во-вторых, обвинения рассматривались лицами, которые ранее сами признали свою вину в тех же «преступлениях», которые теперь вменялись Цецилиану [Ер. 43, 3; 43, 6; 43, 10]; в-третьих, лица, рассматривавшие обвинения, находились под влиянием «завистливых и злых людей», которые специально «подстрекали» их против епископа Карфагена [Ер. 43, 3]; в-четвертых, участники собора имели своего рода «конфликт интересов»: будучи сами виновны в деяниях, которые теперь ставились в вину Цецилиану, они были готовы охотно вступить в «делку» с инициаторами собора, желая таким путем отвести обвинения от себя [Ер. 43, 10]. Перечисленные «нарушения» дают Августину основания отказать в признании решения, принятым собором, и, соответственно, считать ничтожными их последствия [Ер. 43, 26].

Эти вполне очевидные процедурные огрехи в проведении собора для Отца Церкви оказываются однопорядковыми явлениями с фактами подкупа его участников. По сути дела, они являются следствием даже не столько религиозных разногласий, порожденных гонением Диоклетиана, сколько личными интересами, страхами, обидами и эмоциями лиц, ставших вольными или невольными участниками произошедших драматических событий. Иными словами, Аврелий Августин, наряду с фактами прямого подкупа, обнаруживает неприятие нарушения установленных правил, рассматривая таковые как проявления нарушения социального порядка, его разрушения.

Однако в связи с приведенными рассуждениями взгляд невольно устремляется на некоторые противоречия или даже «двойные стандарты», которые обнаруживаются в образе действий и мыслей Августина. Мы усматриваем как минимум два таких противоречия. Первое из них связано с отношением Отца Церкви к отказу Цецилиана от участия в осудившем его соборе, контрастирующим с религиозно-политической и правовой ситуацией 411–412 гг., когда место Цецилиана де-факто заняли донатистские епископы и в создании которой епископ Гиппона принял самое непосредственное участие. Второе противоречие обнаруживается в связи с резким осуждением Августином уже упомянутых нами выше процедурных нарушений в ходе собора, лишившего сана Цецилиана, и реалиями собора 411 г., изобилующего не менее серьезными огрехами в организации и проведении, которые, видимо, не вызывают у него возражений.

Таким образом, дальнейший ход повествования отсылает нас к сравнению двух церковных соборов, отделенных друг от друга столетием. Один из них, произошедший в начале IV столетия, положил начало донатистскому расколу. Другой, состоявшийся в начале V в., должен был с этим расколом покончить.

О событиях первого собора нам уже хорошо известно из сообщений самого Августина. Более того, о ранней истории донатизма нам как раз и известно почти исключительно из документов, цитируемых церковными авторами – Августином, Оптатом, Евсевием [Evers, 2011, p. 176]. В этом существует известная проблема, ибо в изложении и подборе фактов указанными авторами неизбежно будет присутствовать определенная мера тенденциозности.

На событиях же начала V в. стоит остановиться несколько подробнее. Церковный собор, или, как его часто называют в научной литературе, конференция 411 г., стал результатом борьбы с донатистами, которая берет свои истоки сразу же после возникновения раскола.

Начало противостояния относится ко времени императора Константина, который, придя к власти в разгар гонения и неожиданно поддержав христиан, «совершил своеобразный «переворот» в духовной жизни поздней античности» [Мамонтов, 2019, с. 9]. После же обращения Константина в 312 г. римские императоры считали себя единственной силой, способной обеспечить единство христианской церкви в пределах «христианской» империи, что демонстративно отвергали донатисты в Африке и, например, копты в Египте [Brown, 1961, p. 84]. Наиболее полно названная линия обнаруживается в деяниях импера-

тора Гонория, который, созывая в 411 г. конференцию епископов для решения проблемы раскола, говорил, что донатисты «обесцветили» Африку – «самую большую часть наших владений ..., верно следующую за нами во всех светских обязательствах..., напрасным заблуждением и излишним раздором» [Brown, 1961, p. 84].

Включенность позднеримских властей в противостояние «официальной» церкви и донатизма, как уже отмечалось выше, обуславливается ярко выраженной социально-политической окраской последнего. Во 2-й половине IV в. донатисты участвовали в двух африканских восстаниях – Фирма и Гильдона. Историография, воспринявшая риторику Августина, по словам А.Л. Мамонтова, вовсе зачастую рассматривает их как «союз бунтарей и отверженных», как некий «оппозиционный тандем» [Мамонтов, 2022, с. 224]. По замечанию Г.Г. Дилигенского, социальная природа донатизма обнаруживается в самих истоках раскола, берущих свое начало в гонении Диоклетиана, которое лишь обострило уже давно существующие внутренние противоречия [Дилигенский, 1961, с. 695].

Названные обстоятельства в сочетании с совокупностью прочих грозных факторов вынуждали власть вновь обратить внимание на проблему раскола, тем более что к этому побуждали и действия иерархов церкви, неизменно обращавших внимание в своих донесениях на насильственные инциденты с участием донатистов, желая представить их всякий раз в качестве жестоких мятежников, одержимых идеей подрыва и разрушения римского государства [Whitehouse, 2016, p. 30]. Следовательно, Августин и его коллеги в полной мере могли полагаться на поддержку светских властей [Monceaux, 1910, p. 23], которые от территориальной политики, основанной на стремлении контролировать людей в отдельно взятом регионе, перешли к более последовательной политике в отношении обеспечения религиозного единства в масштабе всей империи [Maier, 1995, p. 50].

Сказанное приводит к череде законодательных действий против нарушителей религиозного мира, которые в свое время подробно рассмотрел П. Монсо, отмечая при этом их половинчатый характер. В период между 325 и 404 гг. императорские акты вводят для ослушников штрафы, конфискации имущества, запреты проводить собрания, заниматься агитацией, рукополагать в священнический сан; имперским агентам запрещалось посещать незаконные религиозные собрания, а рабовладельцам – допускать на таковые своих рабов [Monceaux, 1910, p. 23–24]. В 405 г. ситуация меняется – донатистов официально приравнивают к еретикам [Monceaux, 1910, p. 23], очевидно, под влиянием церкви, которая, воспользовавшись произошедшим в рядах своих противников расколом, идет на них в решительное наступление¹³. Однако на пути, казалось бы, неотвратимой победы над донатизмом неожиданно встал поворот в религиозной политике правительства, вызванный событиями 409–410 гг., когда в пределы Италии вторгается Аларих [Brown, 1969, p. 330]. Желая объединить империю перед лицом нависшей угрозы, Гонорий издает эдикт о веротерпимости, даруя свободу вероисповедания [Bels, 1975, p. 151]. Кампания по подавлению донатизма резко пошла на спад [Brown, 1969, p. 330]. Церковь выступала с решительным протестом, требуя отмены нововведений. Столкнувшись с угрозой еще одного раскола, Гонорий уступает, приказав, по словам П. Брауна, организовать то, чего так хотел Августин – провести публичную дискуссию между лидерами противоборствующих религиозных групп. Таким образом, полное официальное расследование событий происхождения раскола должно было завершить колебания в религиозной политике империи и раз и навсегда покончить с ним [Brown, 1969, p. 331]. И вот как раз в связи с проведением этой дискуссии и обращают на себя внимание обозначенные выше противоречия.

¹³ Раскол был вызван борьбой Максимиана, отличавшегося умом, красноречием, считавшегося потомком Доната Великого и имевшего среди прочего богатую покровительницу, сыгравшую в его возвышении такую же роль, которую некогда сыграла Лусилла в возвышении Майорина против непопулярного лидера донатистов Примиана [Monceaux, 1910, p. 26–27].

Итак, ранее мы обращались к позиции Отца Церкви по вопросу отказа епископа Карфагена Цецилиана от участия в собранном против него соборе, приведшем в итоге к его «заочному» осуждению [Мамонтов, 2019, с. 11]. Эта позиция нашла свое отражение в письме 397 г. и сводится к тому, что Цецилиан не мог и не должен был позволять судить себя людям, «которыми тогда обладала некая Лусилла» [Ер. 43, 17]. Осознание факта заведомой нелояльности участников собора, обусловленной в том числе подкупом, по мысли Августина, было для епископа Карфагена достаточным основанием игнорирования как самого факта собора, так и его решений.

Данная позиция вступает в очевидный контраст с реалиями собора начала V в. Будучи созван императором Гонорием, чтобы признать донатистов виновными в расколе и нанести последний удар их движению [Evers, 2011, p. 175], новый собор являл собой предвзятое действо. Лидеры «диссидентской церкви», как пишет Б. Шоу, оказались в двойственном положении, ибо их признали бы виновными вне зависимости от того, явились бы они на собор или нет [Shaw, 2011, p. 560]. Донатисты приняли участие в нем исключительно как альтернативу продолжения репрессиям [Frend, 2020, p. 279], поскольку отказ от участия рассматривался как нарушения императорского закона [Tilley, 1991, p. 9]. Тем не менее, будучи вынуждены принять участие в соборе, донатисты не приняли его решений. Многие и вовсе предпочли добровольную смерть жизни в угнетении [Bels, 1975, p. 154]. Таким образом, строящаяся на тезисе о заведомой предвзятости позиция Августина в оправдании Цецилиана в связи с его отказом явиться на слушания выдвинутых против него обвинений наталкивается на очевидную не в меньшей степени предвзятость собора 411 г. И эту предвзятость выражает сам Августин, заявляя: «... стремясь к ... встрече с вами, мы ищем не очередного окончательного решения..., а скорее того, чтобы стало известно то, что уже было решено...» [Ер. 88, 10]. В связи с этим в зарубежной историографии существует мнение, согласно которому в 411 г. состоялся не церковный собор, а специфический судебный процесс, являющийся «достойным предшественником» показательных процессов XX в., ибо Флавий Марцеллин, председательствовавший на нем, «знал, что его роль заключается в том, чтобы претворять в жизнь решения, уже принятые императором против донатистов» [Whitehouse, 2016, p. 31].

Из сказанного вытекает еще один аспект двойственности в отношении Аврелия Августина к преследованию донатистов. Заключается он в трактовке Отцом Церкви процедурных нарушений в проведении осудившего Цецилиана собора. Ранее мы обращали внимание на критику Отца Церкви в отношении его организации. Он многократно обращает внимание на то обстоятельство, что осуждение произошло в отсутствие обвиняемых, без их ознакомления с существом обвинения, что в осуждении принимали участие люди, ранее признавшие свою вину в том же деянии, которое ставилось в вину осужденным [Ер. 43, 3: 43, 6: 43, 10: 43, 25]. Принципиальный акцент на это обстоятельство свидетельствует о неприятии и решительном осуждении Аврелием Августином подобного рода процедурных нарушений.

Однако и этот пункт в системе политико-правовых ориентаций епископа Гиппона наталкивается на серьезное противоречие, опять-таки обусловленное реалиями событий антидонатистского собора 411 г. Известно, что, назначив начало процесса на 3 июня 411 г. [Tilley, 1991, p. 9], Флавий Марцеллин приказал противоборствующим сторонам направить в составе своих делегаций по семь епископов [Brown, 1969, p. 332]. Затем, уже после того, как донатисты отправились в Карфаген, он издал новое указание, в котором был изложен порядок проведения слушаний. Здесь говорилось о необходимости делегировать с каждой стороны семь епископов, семь советников и четыре наблюдателя для группы стенографистов. Донатисты возражали против этого, так как оказались в неравном положении со своим оппонентами [Tilley, 1991, p. 9]. Однако протест не был услышан, и донатисты как могли вступили в слушания [Tilley, 1991, p. 10]. Сам же процесс проходил в экстраординарном порядке: «судья» был не беспристрастным посредником между истцом и

ответчиком, а императорским чиновником, уполномоченным решать лишь процессуальные вопросы (ведь решение по делу де-факто уже было принято); роли истца и ответчика не были четко определены; исполнение решения не являлось делом частного обвинения, а превратилось в дело публичного свойства, обвинителем по которому фактически выступало государство [Tilley, 1991, p. 11]. Все это в совокупности дает основания для оценки собора как «разыгранного спектакля юридической корректности, призванного скрыть вопиющую несправедливость, лежащую в основе этого слушания» [Whitehouse, 2016, p. 31]. Флавий Марцеллин, назначенный председательствовать на соборе, будучи правоверным ортодоксальным христианином и другом Августина [Shaw, 2011, p. 559], еще до начала слушания объявил, что на этой встрече «разум победит ересь» [Tilley, 1991, p. 9].

Таким образом, обобщение суммы приведенных фактов позволяет констатировать полярность в образе мыслей и образе действий Аврелия Августина. Защищая Цецилиана, он строит свою аргументацию на тезисе о принципиальной нецелесообразности участия предстоятеля карфагенской церкви в «раскольническом» соборе, который имел, по мнению Отца Церкви, своей единственной целью создание видимости легитимности оглашенных на нем решений. На самом же деле эти решения были приняты заранее зачинщиками раскола, которые использовали для достижения своих целей обман и подкуп. Соответственно, с точки зрения епископа Гиппона, Цецилиан имел все основания для отказа от участия в этом «гнусном и преступном» деле [Ер. 43, 3]. Однако эта внешне стройная концепция сталкивается с трудностями в свете событий 411 г., деятельным участником которых Августин выступил. Как мы помним, участие в созванном против них соборе не было делом доброй воли донатистов. Напротив, в основе его лежало государственно-властное принуждение, ставшее следствием союза церкви и империи.

Сталкивается с трудностями и выстраиваемая Августином линия на отрицание решений осудившего Цецилиана собора в силу многочисленных процедурных нарушений, на которые с принципиальной настойчивостью обращает внимание Отец Церкви. В контраст с риторикой епископа Гиппона вновь вступают реалии событий 411 г. Он резко осуждает «заочное» обвинение Цецилиана и его соратников в начале IV в., но становится одним из лидеров процесса, правила проведения которого претерпели изменения после их оглашения, и председательствовавшего на котором императорского чиновника едва ли можно считать беспристрастным судьей.

Свидетельствует ли сказанное о двуличии Августина? Дабы избежать столь радикальных и опрометчивых выводов, следует учитывать религиозный, политический и духовно-нравственный контексты его времени, а также политический вес Отца Церкви. По большому счету, принимая участие в идеологических баталиях с донатистами, Августин действует как политик и в интересах политики. Он выступает как союзник государства, помогая ему преодолеть социально-политический раскол, вызванный расколом религиозным. Епископ Гиппона использует в этой борьбе политические средства, прибегая к механизмам политической пропаганды: он стремится представить в максимально нелицеприятном свете своих оппонентов во имя достижения целей своей «партии». Однако если отбросить политическую подоплеку деятельности Августина и обратиться к влиянию на образ его мыслей и поступков эпохи, то следует констатировать их сообразность основным концептам религиозного мировоззрения. С позиций такового в деле противостояния тому, зачинщиком чего является сам сатана, и в интересах наступления лучшего мира, приближения Града Божьего любые средства являются допустимыми и оправданными.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, следует акцентировать внимание на некоторые кажущиеся нам важными положения.

1. Осуждение коррупции является одной из опорных точек в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина.

2. Данные источников свидетельствуют, что для Отца Церкви коррупция отнюдь не ограничивается взяточничеством и злоупотреблением властью в корыстных целях. Напротив, он обнаруживает «широкое» понимание анализируемого феномена, устремляя свой взор в его общесоциальный контекст.

3. Коррупция для Августина – это нарушение установленного порядка, законности, справедливости, социального мира, обращенное к теме духовной нечистоты. Иными словами, Аврелию Августину свойственно отношение к коррупции с морализаторских позиций, характерных для современных нам политико-правовых воззрений.

4. Сказанное подтверждается среди прочего тем обстоятельством, что именно коррупционные обвинения епископ Гиппона считает целесообразным и нужным использовать для изобличения антигосударственной и антиобщественной природы донатизма, борьба с которым на определенном этапе становится для него делом жизни. Иными словами, в мировоззрении Отца Церкви коррупция и порождаемые ею опасности являются проявлениями зла, однопорядковыми расколу церкви, нарушению религиозного мира и социально-политического единства, на страже которых как раз и стоит епископ Гиппона.

5. Анализ восприятия Августином коррупции, определение ее места в системе социально-политических ориентаций Отца Церкви ставит на повестку дня и иные требующие изучения вопросы. Среди них: а) взаимоотношения епископа с властью, ориентированные на взаимовыгодное сотрудничество; б) отношение к праву, в основе которого лежит разумный прагматизм. Августин считает важным и правильным соблюдение установленных властью правил, формальных процедур. Их нарушение в его сознании – есть проявление своего рода «порчи», разрушения социального порядка.

6. Вместе с тем в контексте отношения к событиям донатистского раскола, борьбы с его проявлениями и последствиями епископ Гиппона демонстрирует специфическую интерпретацию этого правила. Оно «работает» как бы в одну сторону: безусловно соблюдаемы должны быть те правила и нормы, которые служат интересам церкви. В деле же борьбы с ее противниками любые правила приобретают условный характер. Ими можно легко пренебречь во имя защиты интересов христианства не только как духовного, но и социально-политического института. В этом аспекте прослеживается некоторая двойственность и даже противоречивость, которая должна стать предметом отдельного исследования.

Список литературы

- Дилигенский Г.Г. 1961. Северная Африка в IV–V веках. Москва, Издательство АН СССР, 302.
- Иеромонах Афанасий (Букин). 2018. Блаженный Августин Иппонийский. О крещении против донатистов. Кн. I: I–V. В: Труды и переводы. 1: 108–119.
- Иеромонах Афанасий (Букин). 2021. К вопросу о причинах продолжительной жизнеспособности донатистского раскола. В: Христианское чтение. 3: 232–242.
- Казаков М.М. 2014. Особенности христианизации Северной Африки. В: Христианское чтение. 2–3: 46–61.
- Литовченко Е.В. 2007. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности. В: Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 3: 30–38.
- Литовченко Е.В. 2021. Позднеантичная эпистолография в контексте медиевализации и культурного континуитета на латинском западе (IV–VI вв.). Дисс. д-ра ист. наук. Белгород. 2021, 804.
- Мамонтов А.Л. 2016. Отношение Августина Блаженного к законам против донатистов. В: Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2: 691–699.
- Мамонтов А.Л. 2019. Константин и донатистский раскол: первые шаги императора. В: Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 86: 9–24.
- Мамонтов А.Л. 2022. Донатизм и африканские восстания второй половины IV в. В: Религия. Церковь. Общество. 10: 222–237.

- Трыканова С.А. 2022. Теоретико-прикладной дискурс понятия коррупция. В: Образование и право. 2: 167–172.
- Beaver R.P. 1935. The Donatists Circumcellions. In: Church History. 4 (2): 123–133.
- Bels L. 1975. La mort volontaire dans l'oeuvre de saint Augustin. In: Revue de l'histoire des religions. 187 (2): 147–180.
- Brown P. 1961. Religious Dissent in the Later Roman Empire: the case of North Africa. In: History. 46 (157): 83–101.
- Brown P. 1969. Augustine of Hippo: A Biography. New Jersey, University of California Press, 463.
- Dalvit M. 2013. Montenses. The donatists' ecclesiological reflection about habacuc's prophecy. In: Augustiniana. 63 (1/4): 173–188.
- Evers A. 2011. A Fine Line? Catholics and Donatists in Roman North Africa. In: Frontiers in the Roman World. Proceedings of the Ninth Workshop of the International Network Impact of Empire (Durham, 16–19 April 2009). Ed. by Hekster O., Kaizer T. Leiden, Boston, Brill: 175–199.
- Flood J. 1952. St. Augustine in His Letters. In: The Furrow. 3 (5): 196–202.
- Frend W.H.C. 2020. The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa. Oxford, Oxford University Press, 384.
- Hill L. 2013. Conceptions of political corruption in ancient Athens and Rome. In: History of Political Thought. 34 (4): 565–587.
- LaPalombara J. 1994. Structural and institutional aspects of corruption. In: Social Research. 61 (2): 325–350.
- Maier H.O. 1995. Religious Dissent, Heresy and Households in Late Antiquity. In: Vigiliae Christianae. 49 (1): 49–63.
- Ménissier T. 2007. La corruption un concept philosophique et politique chez les Anciens et les Modernes. In: Anabases. 6: 11–16.
- Monceaux P. 1910. L'Église donatiste avant Saint Augustin. In: Revue de l'histoire des religions. 61: 20–77.
- Nodes D.J. 2009. The Organization of Augustine's *Psalmus contra Partem Donati*. In: Vigiliae Christianae. 63 (4): 390–408.
- Pinto J., Leana C., Pil F. 2008. Corrupt Organization or Organizations of Corrupt Individuals? Two Types of Organization – Level Corruption. In: The Academy of Management Review. 33 (3): 685–709.
- Quah J. 2009. Governance and Corruption. Exploring the Connection. In: American Journal of Chinese Studies. 16 (2): 119–135.
- Schaff Ph. (ed.) 1887. Nicene and Post-Nicene Fathers. First Series. Vol. 1. The Confessions and Letters of St. Augustine. Buffalo, NY, Christian Literature Publishing Co.
- Shaw B. 2011. Sacred Violence. African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine. Cambridge, Cambridge University Press, 910.
- Tilley M.A. 1991. Dilatory Donatists or Procrastinating Catholics: The Trial at the Conference of Carthage. In: Church History. 60 (1): 7–19.
- Whitehouse J. 2016. The Course of the Donatist Schism in Late Roman North Africa. In: The Donatist Schism Controversy and Contexts. Ed. by Miles R. Liverpool, Liverpool University Press: 13–53.

References

- Diligenskij G.G. 1961. Severnaja Afrika v IV–V vekah [North Africa in IV–V centuries]. Moskva, Izdatel'stvo AN SSSR, 302 (in Russian).
- Ieromonah Afanasij (Bukin). 2018. Blazhennyj Avgustin Ipponijskij. O kreshhenii protiv donatistov. Kn. I: I–V. [Blessed Augustine of Hippo. On christening against the Donatists. Book I: I–V]. In: Trudy i perevody. 1: 108–119 (in Russian).
- Ieromonah Afanasij (Bukin). 2021. K voprosu o prichinah prodolzhitel'noj zhiznesposobnosti donatistskogo raskola [To the question of the reasons for the continued viability of the Donatist split]. In: Hristianskoe chtenie. 3: 232–242 (in Russian).
- Kazakov M.M. 2014. Osobennosti hristianizacii Severnoj Afriki [Features of the Christianization of North Africa]. In: Hristianskoe chtenie. 2–3: 46–61 (in Russian).
- Litovchenko E.V. 2007. K obrazu Apollinarija Sidonija: chelovek pozdnej antichnosti [To the image of Apollinaris Sidonius: a man of late antiquity]. In: Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika. 3: 30–38 (in Russian).
- Litovchenko E.V. 2021. Pozdneantichnaja jepistolografija v kontekste medievalidacii i kul'turnogo kontinuiteta na latinskom zapade (IV–VI vv.) [Late Antique Epistolography in the Context of

- Medievalization and Cultural Continuity in the Latin West (4th – 6th Centuries]. Diss. d-ra ist. nauk. Belgorod. 2021, 804 (in Russian).
- Mamontov A.L. 2016. Otnoshenie Avgustina Blazhennogo k zakonam protiv donatistov [Attitude of St. Augustine to the laws against the Donatists]. In: Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija. 2: 691–699 (in Russian).
- Mamontov A.L. 2019. Konstantin i donatistskij raskol: pervye shagi imperatora [Constantine and the Donatist Schism: The Emperor's First Steps]. In: Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 86: 9–24 (in Russian).
- Mamontov A.L. 2022. Donatizm i afrikanskije vosstanija vtoroj poloviny IV v. [Donatism and African uprisings in the second half of the 4th century]. In: Religija. Cerkov'. Obshhestvo. 10: 222–237 (in Russian).
- Trykanova S.A. 2022. Teoretiko-prikladnoj diskurs ponjatija korrupcija [Theoretical and applied discourse of the concept of corruption]. In: Obrazovanie i pravo. 2: 167–172 (in Russian).
- Beaver R.P. 1935. The Donatists Circumcellions. In: Church History. 4 (2): 123–133.
- Bels L. 1975. La mort volontaire dans l'oeuvre de saint Augustin. In: Revue de l'histoire des religions. 187 (2): 147–180.
- Brown P. 1961. Religious Dissent in the Later Roman Empire: the case of North Africa. In: History. 46 (157): 83–101.
- Brown P. 1969. Augustine of Hippo: A Biography. New Jersey, University of California Press, 463.
- Dalvit M. 2013. Montenses. The donatists' ecclesiological reflection about habacuc's prophecy. In: Augustiniana. 63 (1/4): 173–188.
- Evers A. 2011. A Fine Line? Catholics and Donatists in Roman North Africa. In: Frontiers in the Roman World. Proceedings of the Ninth Workshop of the International Network Impact of Empire (Durham, 16–19 April 2009). Ed. by Hekster O., Kaizer T. Leiden, Boston, Brill: 175–199.
- Flood J. 1952. St. Augustine in His Letters. In: The Furrow. 3 (5): 196–202.
- Frend W.H.C. 2020. The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa. Oxford, Oxford University Press, 384.
- Hill L. 2013. Conceptions of political corruption in ancient Athens and Rome. In: History of Political Thought. 34 (4): 565–587.
- LaPalombara J. 1994. Structural and institutional aspects of corruption. In: Social Research. 61 (2): 325–350.
- Maier H.O. 1995. Religious Dissent, Heresy and Households in Late Antiquity. In: Vigiliae Christianae. 49 (1): 49–63.
- Ménissier T. 2007. La corruption un concept philosophique et politique chez les Anciens et les Modernes. In: Anabases. 6: 11–16.
- Monceaux P. 1910. L'Église donatiste avant Saint Augustin. In: Revue de l'histoire des religions. 61: 20–77.
- Nodes D.J. 2009. The Organization of Augustine's *Psalmus contra Partem Donati*. In: Vigiliae Christianae. 63 (4): 390–408.
- Pinto J., Leana C., Pil F. 2008. Corrupt Organization or Organizations of Corrupt Individuals? Two Types of Organization – Level Corruption. In: The Academy of Management Review. 33 (3): 685–709.
- Quah J. 2009. Governance and Corruption. Exploring the Connection. In: American Journal of Chinese Studies. 16 (2): 119–135.
- Schaff Ph. (ed.) 1887. Nicene and Post-Nicene Fathers. First Series. Vol. 1. The Confessions and Letters of St. Augustine. Buffalo, NY, Christian Literature Publishing Co.
- Shaw B. 2011. Sacred Violence. African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine. Cambridge, Cambridge University Press, 910.
- Tilley M.A. 1991. Dilatory Donatists or Procrastinating Catholics: The Trial at the Conference of Carthage. In: Church History. 60 (1): 7–19.
- Whitehouse J. 2016. The Course of the Donatist Schism in Late Roman North Africa. In: The Donatist Schism Controversy and Contexts. Ed. by Miles R. Liverpool, Liverpool University Press: 13–53.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.12.2022

Поступила после рецензирования 19.12. 2022

Принята к публикации 20.12. 2022

Received 09.12.2022

Revised 19.12. 2022

Accepted 20.12. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сахаров Станислав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, факультет истории и права, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

 [ORCID 0000-0001-5174-1675](https://orcid.org/0000-0001-5174-1675)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav S. Sakharov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State-Legal disciplines, Faculty of History and Law, Smolensk State University, Smolensk, Russia